

Ирина Матлак

АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ИССУШЕНИЕ
АКАДЕМИЯ ПЯТИ СТИХИЙ. ВОЗРОЖДЕНИЕ

ЛИСЫ ВЫБИРАЮТ СЛАДОСТИ

СУМЕРЕЧЬЕ. ДЕВЧОНКА ИЗ СЛЕЗНЫХ ТРУЩОБ

СУМЕРЕЧЬЕ. УНДИНА ОСОБЫХ КРОВЕЙ

СУМЕРЕЧЬЕ. ПРЕЕМНИЦА ТЕМНОГО МАГА

КРУГ ДВЕНАДЦАТИ ДУШ

ЖЕНА В ПРИДАЧУ, ИЛИ САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ

КРЫЛЬЯ ФЕНИКСА

ГЛАВА 1

Мы застываем в янтаре, где свет — тепло любимых глаз,
Где дыханье и улыбки дороже стоят тысяч фраз.
Ты только меня не пускай — не пускай одной улететь,
Никому, молю, не отдай — с тобой позволь догореть!¹

Иногда то, что мы принимаем за случайность, на самом деле является неизбежностью. Закономерностью, которую мы просто не в силах понять.

Сидя на крыше четырехэтажного дома, я любовалась закатом и еще не знала, какую случайность принесет мне грядущая ночь.

Этот вечер был совершенно обычным. Солнце медленно отплывало за горизонт, разбрызгивая по столице лучи, подобные разжиженному золоту. Под ним блестели гладкие черепичные крыши, зелень приобретала спокойные теплые оттенки, как будто август уже закончился и наступила середина осени. Ветер приносил запах дыма, выбивающегося из труб расположенной неподалеку котельной, ароматы свежей выпечки, продающейся в соседнем квартале, и спелых яблок.

Совершенно обычный вечер плавно перетекал в совершенно обычную ночь. Ночь всегда была хитрой — подкрадывалась незаметно, вытесняла свет, чтобы впустить в мир тьму, а вместе с ней — и ее вечных спутников.

В Дрейдере, как и в прочих городах, фонари зажигались еще засветло, и ни один из них не гас раньше чем день снова вступал в свои права. Несмотря на это, мало кто отваживался выходить из дома после наступления сумерек без весомого повода, да и при наличии оно еще раздумывали, а стоит ли оно того.

Опустив взгляд на листы раскрытой тетради, я перечитала написанное и вздохнула. Стихи приходили ко мне сами. Я ни-

---

¹ Здесь и далее в тексте стихи автора.

когда этому не училась, да и поэзию как таковую особо не любила — попросту некогда мне было ее любить. Но иногда случались моменты, когда меня буквально распирало и казалось, что, не возьмись я за перо, карандаш, уголь, мел, да хоть что-нибудь пишущее, и голова просто взорвется!

В детстве родители хвалили меня, говоря, что, возможно, я сумею развить талант и стать известным поэтом.

Папа... мама... кот, которого все мы звали просто Котом... моя любимая семья, которой не стало десять лет назад. Тот день мне запомнился так отчетливо, что я могла воспроизвести в памяти каждую деталь. И сильный хлесткий дождь, под который выбежала в чем была — босиком, в простом домашнем платье; и стража с тонкой полоской усов, сообщившего, что кеб, на котором ехали родители, упал в ущелье; и приторный, тошнотворный запах дешевой туалетной воды, которой пользовалась моя тетушка...

Тетушка Эльза появилась в моей жизни внезапно. Прежде она не общалась со своей сестрой, но, оставшись единственной родственницей, стала моей опекуной. В тот день она в компании дядюшки Риуса полноправной владычицей поднялась на четвертый этаж пятнадцатого дома на Истарской улице, да так там и осталась. Нам с Котом пришлось перебраться на чердак.

В свою бывшую комнату я переселялась лишь на пару дней в году, когда нам наносила визит работница службы опеки. Эта худощавая, с мелкими чертами лица женщина очень любила деньги и с радостью принимала их от тетушки сразу после любезного приглашения выпить чаю. До меня работнице дела не было... вернее, было, но лишь формально. Да я особо и не жаловалась. Конечно, отношение ко мне тетушки Эльзы лишь с большой натяжкой можно было назвать сносным, но я быстро научилась с этим мириться. В детстве часто плакала и пыталась бунтовать, а потом перестала. Привыкла, наверное.

А совсем скоро мне исполнится девятнадцать. Я избавлюсь от власти опекунов и смогу жить, как захочу... только вот выставить их из дома вряд ли будет просто.

— Тэм, иди домой! — внезапно позвала сына вышедшая на балкон соседнего дома госпожа Грана. — Уже темнеет! — И тут же обратилась к сидящей в кресле-качалке свекрови: — Свежую прессу читали? Норриан Снэш вернулся в столицу!

— Это сегодня только ленивый не обсуждал, — хмыкнула та, раскуривая трубку. — Надо же, столько лет добровольной ссылки, и тут вдруг возвращается...

— Говорят, сам король призывает его к женитьбе. Такая кровь, такая сила... а избранницы все нет.

— Так ведь сколько выпускниц Института аэллин ему предлагали... — Пожилая женщина чуть понизила голос: — Ты ту историю, наверное, не помнишь. Тогда король младшую принцессу хотел замуж за него отдать. Потом случилось что-то, и Нориан Снэш неожиданно отбыл в приграничные земли. А принцессу скоропалительно за другого выдали.

— Отчего ж не помнить, помню... — задумчиво протянула госпожа Грана. — Сколько лет прошло? Пятнадцать? — и без перехода крикнула: — Тэм, иди домой, кому сказала!

Десятилетний мальчонка в последний раз подкинул мяч, ловко его поймал и припустил к дому. Через несколько мгновений за ним закрылась входная дверь.

— Я тебе вот что еще скажу: нынешний выпуск аэллин одним из сильнейших будет, — выдохнув несколько колечек дыма, произнесла пожилая женщина. — Непокойно у нас сейчас, наследники сильным домам как никогда нужны. Хочет того Нориан или нет, а женится. Повезло тем аэллинам, которые сейчас в институте обучаются, такой шанс... Эх, была б я помоложе годков этак на пятьдесят...

Невольно прислушавшись к разговору, я не заметила, как начало смеркаться. Наверное, о Снэшах в нашем королевстве не слышал только глухой, и если Нориан правда вернулся в столицу, намереваясь жениться... Впрочем, меня это не касается. Подобным мне с такими, как он, не позволено даже разговаривать. Да что там разговаривать — и вблизи их никогда не увидеть!

В здешних кварталах жили практически низы общества — дальше только трущобы. Хотя само слово «низы» всегда вызывало в моей душе негодование. Правильнее сказать, здесь обосновались простые люди, которым, возможно, повезло немного меньше, чем остальным.

Дом наш хоть и был старым, но все же сохранился лучше многих прочих. Жить на верхнем этаже в некотором смысле было даже престижно. Папа, который обладал потрясающим талантом живописца, при жизни продал немало картин. Одну из них даже купил не слишком знатный, но вполне состоятельный лорд в подарок любимой супруге. Родители сумели выкупить две комнаты, принадлежащие соседям, и с тех пор в нашем распоряжении имелись пара спален, гостиная, кухня и даже отдельная ванная, что являлось настоящей роскошью.

Вернувшись на свой чердачок, я потрепала по голове развалившегося на кровати Кота и по привычке сунула тетрадь в нижний ящик тумбочки, спрятав ее под другими вещами. На столике, рядом со швейной машиной, лежали недоделанные заказы, которые мне предстояло завершить до завтра. Серьезную работу вроде полноценного пошива одежды мне доверяли редко, а вот что-то подшить или заштопать просили регулярно. Выручка выходила не слишком большой, но для того, чтобы чувствовать себя мало-мальски независимой от опекунов, ее хватало.

Ночка предстояла долгая. За шитьем я просидела практически весь день, не прерываясь даже на обед, поэтому сейчас чувство голода дало о себе знать.

На кухне я обычно не ела, привыкнув уносить еду к себе на чердак. Вот и сейчас быстро вскипятила воду, заварила чай, прихватила пару бутербродов и уже собралась снова вернуться к себе, когда в кухню выплыла тетушка Эльза.

Вид она имела крайне недовольный — как, впрочем, и всегда. И нелепый — тоже как всегда. Обладая пышными формами, она питала страшную слабость к утягивающим корсетам и глубоким декольте. А также к несуразным шляпкам с перьями и, что самое ужасное, — к ярко-розовому цвету, что, по моему скромному мнению, делало ее похожей на поросенка.

— Инида Трэйндж! — И голос у нее под стать поросычъему, с извечно проступающими в нем визгливыми нотками. — Где тебя весь вечер носит?! Я же говорила, что у Элеоноры для тебя срочный заказ, который нужно сегодня забрать и доделать к завтрашнему утру!

— Вы говорили, — игнорируя ее тон, спокойно возразила я, — что забрать его нужно завтра, а на исполнение у меня будет целый день.

Тетушка поджала губы и, окинув меня раздраженным взглядом, воскликнула:

— Подумать только, какая наглость! Как будто я не помню, что говорю! Ты же знаешь, что Элеонора — жена начальника твоего дяди. Крайне уважаемая особа! Сегодня же, милочка, се-го-дня же нужно сходить и забрать у нее платье!

Я бросила взгляд на окно, сумерки за которым заметно сгустились. Каких-нибудь полчаса — и окончательно стемнеет.

— Ну, что ты молчишь?! — уперев руки в пухлые бока, вознегодовала свин... в смысле, тетушка Эльза. — Какая неблагодарная! А я всегда говорила, что ничего путного из тебя не выра-

тет! Мы с Риусом столько сил потратили на твое воспитание, растили как родную дочь, но разве дурную кровь исправишь? Что мать твоя была дурой распоследней, что отец...

Крепче сжав поднос и с трудом удерживаясь от того, чтобы не запустить его прямо в опекуншу, я не дала ей продолжить.

— Не смейте *так* говорить о моих родителях, — пристально на нее посмотрела. — *Вообще* не смейте о них говорить.

Наверное, что-то такое отразилось в моем взгляде, потому что опекунша, уже собравшаяся продолжить, резко осеклась. Я привыкла игнорировать выпады в свой адрес, относясь к ним с прохладным спокойствием, что, кажется, бесило тетюшку еще больше. Но когда она поминала родителей, это спокойствие в одночасье разлеталось вдребезги.

Опустив поднос на стол, частично расплескав чай, я стремительно прошла в прихожую, сорвала с вешалки легкое пальто и выскользнула за дверь. Прохладный вечерний воздух остудил полыхающие щеки и помог восстановить душевное равновесие. Несмотря на то что стояли последние дни августа, ночи уже были холодными.

Дом, где жила семья начальника дяди, располагался в конце соседнего квартала. Идти до него было не так уж далеко, и я рассудила, что лучше исполнить поручение опекунши, чем провоцировать очередную сцену.

Хорошо освещенная улочка была практически пуста. Здания здесь тесно прижимались друг к другу, окна стоявших друг напротив друга домов находились невероятно близко, что позволяло людям пребывать в полной осведомленности о жизни соседей.

Миновав пару узких улиц, я вышла на более широкую — считающуюся в нашем районе центральной. Во время пути до нужного дома мне встретились всего пара прохожих да один пронесшийся мимо кеб. Если обитатели богатых районов могли позволить себе специальные защитные артефакты, позволяющие ночью чувствовать себя относительно уверенно, то нам это было недоступно.

Когда я оказалась на месте, дверь мне открыла молодая, прислуживающая в доме девушка. Именно от нее я получила сверток с платьем, подол которого требовалось укоротить, а корсаж — расшить прилегающим в отдельном мешочке золотистым бисером.

Бывать в этом доме прежде мне доводилось лишь единожды. Точнее, бывать в прихожей, дальше которой меня не пус-

кали. Откровенно говоря, чета Бэйрси не слишком-то отличалась от моих опекунов — наверное, поэтому они и ладили.

Как раз в тот момент, когда служанка передавала мне сверток, со второго этажа донеслось громкое:

— Ма-а-ам!

А уже в следующую секунду я лицезрела сбегающую по ступеням белокурую девушку, чье платье напоминало ворох взбитых сливок.

— Да, дорогая? — произнесла вышедшая из соседней комнаты госпожа Бэйрси.

— А, так ты уже здесь! — игнорируя мать, неожиданно обратилась девушка ко мне. — Наконец-то! Я хочу, чтобы все было идеально, понятно тебе? Бисеринка к бисеринке! И в семь утра платье должно быть у меня!

Соблазн послать ее к риаху был очень велик, как и поинтересоваться, почему она не озаботилась вопросом платья заранее и вообще не обратилась к какой-нибудь именитой портнихе. Но я заставила себя промолчать. Ну выскажу все, что думаю. Ну откажусь выполнять в нереально короткий срок кропотливую работу. Кому от этого будет лучше? Мне, потерявшей кучу нервных клеток во время скандала, который затит тетушка Эльза? Дядюшке, которого уволят из-за ссоры с начальником?

— Доставлю лично, — усилием воли заставив гордость и праведное негодование замолчать, ровно пообещала я.

Тем более работы все же предстояло меньше, чем я предполагала изначально. Как оказалось, платье нужно расшивать не для Элеоноры, а для ее дочери, которая значительно миниатюрней и тоньше в талии.

Словно прочитав мои мысли, госпожа Бэйрси произнесла:

— Наша Лю́ция на завтрашней Церемонии избрания должна быть на высоте! Не сомневаюсь, Пресветлый остановит свой выбор на моей девочке!

На этот раз мне пришлось проглотить так и рвущийся наружу скептический смешок. Ну да, можно подумать, из всех молодых девушек империи Пресветлый непременно заметит и выберет именно Лю́цию Бэйрси... Впрочем, мизерный шанс у нее действительно есть. Как и у всех остальных.

— Непременно остановит. — В прихожую неожиданно вышел счастливый отец, в чьем голосе звучала непоколебимая уверенность. — Можете в этом не сомневаться, дорогие мои.

В дальнейший разговор я уже не вслушивалась, терпеливо дожидаясь, когда мне позволят уйти. Но поскольку обо мне благополучно забыли, сама напомнила, что меня ожидает работа, после чего наконец покинула дом.

На мир к этому времени опустилась ночь. Ее — густую и вязкую, абсолютно черную — не могли прогнать даже многочисленные фонари и свет, горящий почти во всех окнах.

Я поспешила домой. Страшно было разве что совсем немного — слишком заняты были мысли предстоящей работой. Теперь придется не спать до самого утра, а потом, отдав злополучный заказ, заняться остальными, которые тоже не терпят отлагательства.

Завтра на улицах будет полным-полно людей, особенно на Центральной площади, дороги к которой частично перекроют. Даже в нашем районе начнется толкотня, поэтому лучше выйти из дому пораньше.

Церемония избрания — одно из главных ежегодных событий, которого многие девушки ждут с замиранием сердца. Именно в этот день у абсолютно любой жительницы империи в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет есть шанс поступить в Институт аэллин на факультет ниллэ. Стать личной помощницей аэллины для большинства — заветная, но недостижимая мечта. Аэллинами становятся лишь представительницы аристократии, а ниллэ — тоже аристократки, но помельче или же просто особы, вышедшие из состоятельных семей. Так уж сложилось, что чем выше статус, тем больше искр при рождении получает человек. А наличие искр для того, чтобы стать аэллиной, — самый главный критерий. С ниллэ все несколько иначе — чаще всего на факультет, где их готовят, поступают по знанству и благодаря данным кому и когда надо взяткам.

На церемонии же сам Пресветлый дарует шанс одной из жительниц империи изменить свою жизнь. По крайней мере, так говорят. Но я не исключала вероятности того, что и здесь имеют место взятки, а свою волю изъявляет вовсе не Пресветлый, а организаторы этой самой церемонии. Во всяком случае, не было еще ни одного раза на моей памяти, чтобы счастливицей стала какая-нибудь нищая или совсем безродная девушка.

Невольно вспомнив уверенность, с которой господин Бэйрси говорил об избрании своей дочери, я задумалась. Вполне возможно, он как раз обладал нужными связями. Положение их семьи хоть и не слишком высокое, но, кажется, те-

тушка Эльза как-то упоминала, что какой-то его родственник служит в институте.

Я уже почти дошла до поворота, ведущего на Истарскую улицу, когда царящую вокруг тишину внезапно прорезал гонг. От неожиданности я едва не оступилась и машинально остановилась, слушая повторно разнесшийся, хорошо знакомый звук.

Гонг предупреждал о надвигающейся опасности. Чем больше сигналов — тем сильнее угроза. Самое большое число — три.

Опомнившись, я продолжила путь, практически срываясь на бег. А затем, свернув на Истарскую улицу, заметила озаривший ночное небо свет — пока еще далекий, а потому не слишком яркий.

«Фениксы», — тут же промелькнуло в мыслях.

Не знаю, почему вдруг снова остановилась. Нужно было внять прозвучавшему предупреждению и со всех ног бежать домой, но я, вопреки здравому смыслу, этого не сделала. Правда не знаю, что на меня нашло, только вот руки словно сами собой вцепились в железные прутья пожарной лестницы одного из расположенных рядом домов.

Карабаться по таким лестницам я умела отлично — сказывалось богатое на подобные авантюры детство. Вот и сейчас подняться наверх не составило никакого труда, несмотря на то что одной рукой я удерживала сверток с платьем.

Уже совсем скоро я стояла на черепичной двускатной крыше, куда меня тянуло, точно магнитом. Прижимая к себе сверток, неотрывно смотрела на золотистый, идущий из другого конца города свет. Он стремительно приближался, разрастался, прорезал черное небесное марево. Казалось, это растегивается невидимая застежка-молния, разрезая черное полотно и открывая обнаженное, усыпанное звездами небо.

По небу бежало несколько десятков григаннов — огненных крылатых скакунов, на спинах которых сидели они — недостижимые, прекрасные, верхушка аристократии, наши защитники и опора; те, с кем считается сам император. Те, для кого в институте и воспитывают аэллин — их будущих жен.

Я знала, что на них нельзя смотреть, ведь если долго смотреть на горящего феникса, можно ослепнуть. Но оторвать взгляд от поразительной картины не могла.

Через некоторое время золотая процессия оказалась прямо надо мной и тьма вокруг расступилась, уступая дорогу исходящему от них свету. Летели во все стороны огненные искры,

звучало залиvistое ржание григаннов, и я, запрокинув голову, не сводила с фениксов взгляда до тех пор, пока глаза не начали слезиться.

На несколько секунд смежив веки, стерла выступившие слезы, а когда снова посмотрела вверх, фениксы были уже далеко. Они мчались все вперед и вперед, побеждая тьму и оставляя за собой мерцающий золотистый шлейф.

— Ну и дуреха ты, Ида, — обругала я себя несколькими мгновениями позже. — Ночь на дворе, дома столько работы ждет, а ты по крышам лазаешь!

Но вопреки логике сердце жило своей собственной жизнью. Потревоженное и замороженное увиденным, билось быстро-быстро, как пойманная, желающая вырваться на свободу птица...

Мое последующее промедление длилось недолго. Я уже развернулась, намереваясь спускаться, как вдруг путь мне преградил высокий темный силуэт. Словно сотканный из мрака, вытянутый, колыхающийся, он имел смутные очертания человека — изломанные и непропорциональные.

Я застыла, буквально пригвожденная к месту всепоглощающим ужасом. Силуэт медленно двигался ко мне, а я не могла ни попятиться, ни сделать хотя бы малейшее движение — тело буквально парализовало. Просто не верилось, что это происходит на самом деле, а не является ночным кошмаром. Порождение тьмы прямо передо мной, а я — всего лишь беспомощная, одинокая и крохотная фигурка на одной из множества крыш...

Когда порождение приблизилось ко мне на расстояние шага, я опомнилась и, сбросив оцепенение, попыталась отступить. Лестница с этой стороны отсутствовала, но имелась водосточная труба, за которую при должной сноровке можно было зацепиться и съехать вниз.

Понимая, что от моих теперешних действий напрямую зависит, выживу или нет, я подавила страх и заставила себя не паниковать. Мгновения растянулись, приравняв короткие секунды к долгим минутам. Вот я устремляюсь вперед, вот оказываюсь на самом краю крыши, в то время как порождение практически меня настигает. А вот кончик туфли цепляется за черепицу, и я чувствую, как падаю...

«Конец», — успевает промелькнуть в сознании, пока взгляд неотрывно прикован к надвигающейся на меня сотканной из черноты фигуре...

А потом в окутавшую меня ватную тишину внезапно проник приятный мужской голос:

— Закройте глаза.

Я не успела выполнить приказ и увидела окруживший меня яркий свет, одновременно ощутив, что меня подхватили чьи-то горячие руки. А затем заметила мелькнувший совсем рядом силуэт и вспоровший тьму огненный клинок, появившийся словно из ниоткуда. Прозвучало тихое шипение, порождение рассеялось, и я, подняв взгляд, увидела склонившееся ко мне лицо, красивее которого прежде не видела. Подумалось, что меня удерживает настоящий небожитель — озаренный светом, златовласый, со словно бы подсвеченной изнутри кожей и пронизательным, каким-то неземным взглядом золотых глаз, он казался плодом воображения.

Время будто застыло. Золотой свет был повсюду, наполнял меня теплым сиянием и, казалось, пронзал саму душу. Я находилась в его объятиях, касаясь крыши лишь кончиками старых туфель, и растворялась в склоняющемся ко мне лице, в свете, в удивительных сияющих глазах...

Неожиданно в груди появилось странное разрастающееся жжение, приведшее меня в себя. Время отмерло, и я, испугавшись, что смотрю на феникса слишком долго, запоздало смежила веки.

— Вы живете в этом доме? — словно издалека донесся до меня вопрос.

Меняхватило лишь на то, чтобы отрицательно покачать головой. Кажется, спасшего меня феникса позвал кто-то из братьев, но я это восприняла как-то отстраненно — так же, как и последовавший спуск с крыши на григанне. Этот короткий полет прошел для меня будто невероятный, не имеющий ничего общего с реальностью сон.

Я открыла глаза, лишь когда ноги вновь ступили на твердую поверхность. Окружающее феникса пламя превратилось в легкий ореол, позволяющий смотреть на него, не опасаясь потерять зрение. Впрочем, смотреть ему в лицо я все равно больше не решалась.

Феникс протянул мне раскрытую ладонь, и над ней запыхал яркий огонек.

— Он защитит и доведет вас до дома, — пояснил мой спаситель. — Следуйте за ним и больше не выходите на улицу этой ночью.

Сказав это, феникс снова запрыгнул на григанна и взмыл ввысь, оставляя за собой мерцающий золотистый шлейф.

— Спасибо... — запоздало выдохнула я в пустоту.

Огонек тем временем полетел в нужном мне направлении, и я, отведя взгляд от неба, поспешила за ним.

Обратный путь совсем не отложился в памяти. Во всех окнах нашего дома горел свет — в ночи, подобные этой, его никто не гасил до самого утра. Опекуны сидели в гостиной, и, кажется, при моем приходе тетушка Эльза что-то у меня спрашивала, но что я ей отвечала — хоть убей, не вспомню.

Относительно пришла в себя, лишь закрыв за собой дверь чердака. Машинально разложила на столе платье, сделала разметку, по которой следовало укоротить подол, взялась за ножницы... и, глубоко вдохнув, приложила руку к груди.

От рождения мне досталась всего одна искра, да и та — очень тусклая. Но сейчас казалось, что внутри полыхает настоящее пламя.

ГЛАВА 2

Нориан

Войдя в пустой, утопающий в полумраке холл, я пересек его, не зажигая свет, и вышел на балкон. Этой ночью прорывы случились не только в столице, но и в паре других городов. Ощущение, что тьма намеренно послала свои порождения нападать на людей накануне предстоящего торжества.

Торжество... за последние столетия это событие превратилось в сплошной фарс. Вся высшая аристократия — тоже сплошной фарс и тщеславие. А воспитывающиеся в институте аэллины — похожие друг на друга куклы. Противно, но таков порядок. Институт — оплот тщательно исполняемых из поколения в поколение традиций.

Лучше бы мне и дальше оставаться в Приграничье. Но когда тьма подступает слишком близко, когда столица как никогда нуждается в защите, выбора не остается. Не остается его и тогда, когда сам император требует, чтобы ты стал преподавать боевую магию в Институте аэллинов.

«Будущие спутницы фениксов должны учиться за себя постоять», — слова его императорского величества.

Вот и нарушение традиций. Изнеженным девицам придется изучать искусство магического боя... Риах бы все побрал! Почему на должность преподавателя не могли назначить кого-то другого?!

— Росс! — позвал я, облокотившись о деревянные балконные перила.

Единственный слуга в этом доме пришел незамедлительно. И, заранее зная, что от него потребуют, принес поднос с откупоренной бутылкой и наполненным бокалом.

— Прошу, мой лорд, — со свойственной ему невозмутимостью предложил он.

Взяв бокал, я взболтал содержимое, наблюдая за переливами янтарной жидкости, и залпом его осушил. Поставил опустевший бокал обратно на поднос и вновь устремил взгляд на ночное небо. Отсюда, с высоты тридцати тысяч шейров, Дрейдер казался переплетением горящих желтых цепей, какими воспринимались вереницы фонарей и горящих окон.

Шумно вдохнув ночной воздух, позволил его свежей прохладе наполнить разгоряченное тело и выпить кипящие эмоции.

Всегда любил это место. Нет, не сами небесные острова с их помпезными замками и резиденциями, где жили выходцы знаменитых домов. А именно этот парящий клочок земли с простым и небольшим двухэтажным домом, находящийся в моей личной собственности. Только сюда мне хотелось вернуться из Приграничья. Только здесь, где можно распробовать холодный ночной воздух и ощутить крепкие объятия прилетающего с гор ветра, я чувствовал себя по-настоящему дома.

— Еще бокал, мой лорд? — все с той же невозмутимостью осведомился Росс.

— Нет, можешь идти.

— Как прикажете, мой лорд, — почтительно кивнул он, но, противореча сам себе, задержался: — Днем прилетал ваш брат.

— Кайл? — Догадаться, о каком из них двоих идет речь, не составило труда. — Значит, он уже знает, что я вернулся.

— Это, полагаю, уже известно всем, — справедливо заметил Росс. — Он просил передать, что отец приглашает вас нанести семье визит.

Я усмехнулся — теперь семья просто приглашает меня с визитом, вернуться в родовое гнездо уже не зовут.

— Налей-ка мне еще, — велел слуге, и когда тот выполнил требуемое, добавил: — Теперь можешь идти.

На сей раз Росс не задержался, и после его ухода я снова залпом выпил «жидкий янтарь», как его называл создатель. Главный имперский винодельческий завод имел в своем штате специалиста, создавшего уникальную формулу, благодаря которой и появился «жидкий янтарь». Крепкий спиртной напиток с примесью сконцентрированных искр. Напиток, позволяющий фениксам быстро восстанавливать утраченные после столкновения с тьмой силы.

Напиток, разработанный специально для одного феникса. Для меня.

Об этом моем изъяне знали только император, моя семья и Росс, которому я доверял как себе. В отличие от братьев, я родился не с янтарными глазами, а с бесцветными. Прозрачными. Не отражающими внутренний свет. И накапливал силу гораздо медленнее других. Вся ирония заключалась в том, что искр мне от рождения досталось гораздо больше, чем остальным. Из-за такого диссонанса боль стала постоянным спутником, и даже «жидкий янтарь» больше не мог надолго ее притуплять. Только помогал восстанавливаться и скрывал от посторонних несовершенство моих глаз.

Стиснув кулаки, медленно выдохнул, справляясь с расплывшейся по телу огненной агонией. К любой боли можно привыкнуть. И научиться с ней сосуществовать. Даже к той, которая не имеет отношения к физической.

Глядя на ночной, освещенный тысячами огней Дрейдер, вдруг вспомнил о глазах, принадлежащих незнакомке с крыши. Они были карими. Теплыми. Я не почувствовал в ней сильных искр, но в этих глазах блеснул свет, какой бывает на восходе солнца. Зрительная память никогда не была моей сильной стороной, и я не мог мысленно воспроизвести черты ее ничем не примечательного лица. Но глаза — широко распахнутые, словно вбирающие в себя исходящий от горящего феникса свет и не испытывающие при этом боли, почему-то врезались в память.

В долгой жизни больше минусов, чем плюсов. С течением времени теряется умение удивляться, мало что может искренне восхитить. Утрачивается страх. Все чувства притупляются, и то, что раньше дарило острое наслаждение, больше не способно дать даже толику обычной радости.

Поэтому я и уехал в Приграничье. Там — на границе барьера, где можно увидеть саму тьму, — некоторые чувства возвращаются. Адреналин. Желание сражений. Сожаление и боль ут-

рат, когда те, кто успел стать хотя бы немного дорог, отправляются в иной мир.

Эти чувства были понятными и знакомыми. Привычными.

Но, глядя в широко распахнутые карие глаза, я ощутил нечто иное. Не то давно забытое, не то и вовсе незнакомое...

По телу пробежала очередная болезненная волна, заставившая поморщиться. «Янтарь» делал свое дело — силы восстанавливались, но платой за это становились частые болезненные импульсы. И это тоже было привычным, хорошо знакомым. Только внезапно возникшее в груди жжение показалось странным. Пожалуй, второй бокал пить не стоило.

Ида

Поспать мне удалось всего час, и состояние после пробуждения было такое, что лучше бы я вообще не ложилась. Разбудил меня, как всегда, Кот, исполняющий возложенную на него миссию получше всякого будильника.

К моему огромному облегчению, доделать платье я успела, и теперь оставалось лишь к назначенному времени доставить его до места назначения. Только вот выходить на улицу после ночных приключений было... нет, страшно — не то определение. А какое «то», и сама не знаю.

Тьма за окном выцвела, и, хотя мир еще находился во власти утренних сумерек, угрозы они не представляли.

Вопреки обыкновению, тетушка Эльза уже поднялась, заняв ванную. Дядюшка Риус, у которого сегодня был выходной, расположился в гостиной, где почитывал газету. Как правило, завтрак готовила я, но сейчас как никогда захотелось наплевать на эту обязанность. Я и наплевала — если тетушка хочет, чтобы я доставила заказ вовремя, значит, пусть варит утренний кофе сама.

Проходя мимо того самого дома, на крыше которого вчера чуть не стала жертвой порождения тьмы, я на миг остановилась. Если столкновение с порождением еще как-то укладывалось в моей чугунной после бессонной ночи голове, то встреча с фениксом по-прежнему казалась плодом воображения. Собрись я убедить себя в ее нереальности — и стараться бы не пришлось.

У Бэйрси царила суматоха. Едва переступив порог, я словно оказалась в сумасшедшем доме, наполненном криками и бесконечной суетой. На сей раз меня проводили в комнату хо-

зайской дочки, где я вместе со служанкой и наблюдавшей за происходящим Элеонорой помогла Люции надеть платье.

Надо признать, выглядела она в нем и впрямь красивой. Характер у Люции был откровенно скверный, а вот с внешностью повезло — одни густые светлые волосы чего стоили. А платье нежно-карамельного оттенка с россыпью золотистых, сотворенных моими руками узоров и вовсе превратило ее в красавицу.

Долго я не задерживалась. Получив причитающуюся оплату, которая, благодаря тому, что моя работа пришлась заказчицам по душе, даже превысила оговоренную, я ушла. Настроение существенно повысилось, и вместо того, чтобы идти домой, я решила наведаться в центр. Поскольку выручка вышла, по моим меркам, приличной, можно было расщедриться на покупку набора шелковых ниток, который я давно мечтала приобрести. Как раз для одного из нынешних незаконченных заказов пригодится.

Я ожидала, что в такую рань людей в городе будет еще не слишком много, но ошиблась. Улицы наводняли толпы. Все стекались к Центральной площади, желая занять лучшие места для обзора.

Но главным сюрпризом для меня стало столкновение с опекунами. Завидев меня, тетюшка Эльза бесцеремонно распихла локтями разделяющих нас горожан и, оказавшись рядом, клещом впиалась мне в предплечье.

— Ида, как хорошо, что мы встретились, — ласковым голосом, за которым я без труда угадала злость, пропела она.

Да, на людях она предпочитала вести себя со мной именно так — играя роль любящей и заботливой тетюшки. В городе у нее имелось немало приятельниц, любящих посплетничать не меньше, чем она сама, поэтому опекунша всячески старалась продемонстрировать царящую в нашей «семье» идиллию. Конечно, сплетни все равно ходили, в основном благодаря тонким стенам в нашем доме, но тетюшку Эльзу это не смущало.

Приходить на Церемонию избрания всей семьей было в Дрейдере такой же традицией, как печь по воскресеньям шоколадное печенье. В прошлом году мне удалось отсидеться дома, а на этот раз, видимо, все-таки придется потерпеть общество родственников.

Сама церемония всякий раз назначалась на час дня. Но уже сейчас на всех улицах и, разумеется, на Центральной площади, царил атмосфера праздника. Повсюду стояли лотки, где про-

давали то самое, всеми любимое шоколадное печенье, разноцветные сахарные леденцы и ароматные пирожные. Двери всех кафе и ресторанчиков были гостеприимно распахнуты, приглашая всех желающих отведать вкусные угощения, ароматы которых наводняли улицы. Работали и летние площадки, где уже сейчас не оставалось ни одного свободного места.

Но чем ближе мы подходили к центру, тем явственнее атмосфера веселья сменялась торжественностью. Повсюду трепетали на ветру золотые флаги с гербом нашей империи, на зданиях красовались украшения в виде заключенных под тонкое стекло огней, добавляющих и без того солнечному дню еще больше света. Кое-где стояли карусели, на которых катались не только дети, но и молодые девушки, и даже парни. Карусели и впрямь были чудесными — их золотистые купола буквально горели под солнечными лучами, а вместо традиционных лошадок любителей покатаются везли миниатюрные григанны. Когда я их увидела, сердце пропустило удар. Показалось, что в груди снова стало жарко, хотя жжение прекратилось несколько часов назад.

Главная сцена представляла собой огромный павильон со стеклянной куполообразной крышей. Именно туда в назначенный час выйдут служители главного храма, чтобы назвать имя счастливой избранницы.

Шелковые нитки я все-таки купила. Пока опекуны, встречав своих знакомых, отвлеклись на разговор, я зашла в швейную лавку и успела приобрести желаемое. Настроение тут же поднялось еще больше, и я уже предвкушала, как буду использовать свое новое приобретение. Хотела потихоньку незамеченной ускользнуть домой, но на выходе из лавки была снова поймана тетужкой Эльзой, которая обладала не только хваткой клеща, но и взором ястреба. А вдобавок — напором завидевшего добычу непробиваемого риаха, благодаря чему родственница без особого труда принялась прокладывать путь к сцене. Надо ли говорить, что народу там было не протолкнуться?

Но, как вскоре оказалось, дядюшке за хорошую службу дали билеты на сидячие места. Конечно, самые отдаленные, но все-таки это было неожиданно и удивительно.

— Премного благодарствую, господин Бэйрси, — заискивающе поклонился он своему начальнику, сидящему на ряд впереди.

Тот удостоил его лишь короткого кивка и вновь устремил взгляд в сторону сцены. Из мельком услышанных разговоров

окружающих я поняла, что все ближайшие места занимали работники ведомства, где служил дядя. Надо сказать, работником он был неплохим и за последние годы сумел существенно продвинуться вверх по карьерной лестнице.

На сцене уже шло представление, где один номер плавно сменял другой. Но наблюдать за ними мешала тетушка Эльза, которая, перекрикивая шум, пыталась льстить чете Бэйрси в целом и Люции в частности. Уже спустя минут пять я с трудом подавляла зевки не только из-за бессонной ночи, но и из-за восхваляемых достоинств Люции. Она сама явно воспринимала их как должное, светилась от самодовольства, но до ответов не снисходила. Помимо этого, и она, и ее родители вели себя так, словно в самом деле нисколько не сомневались в исходе церемонии. Неужели господину Бэйрси и впрямь удалось через родственника получить место в институте для любимой дочурки?

Когда торжественно зазвучали фанфары и вдоль сцены вспыхнули столбы ярких искр, публика взорвалась громкими овациями. Абсолютно все присутствующие от мала до велика обратили взоры на выходящих на сцену храмовников, облаченных в длинные белоснежные одежды. Позади, оставаясь практически незаметными, выстроились стражи, надевшие сегодня парадные мундиры — белые, с золотыми, поблескивающими на свету пуговицами и нашивками.

Сегодня особый день. День, когда согласно древним преданиям родился первый феникс. Он появился из пепла. Пепла, который остался после уничтожения Прежнего мира самой тьмой. Тогда пали целые империи, некогда величественные города обратились в руины. Те немногие, кому удалось уцелеть, были убиты горем и обречены на скорую смерть. Мир захлебнулся в слезах и крови. Наступила вечная беззвездная ночь.

И тогда появился он — феникс. Единственный луч света и последняя надежда. Он родился на руинах империи Артоган — той, что пала последней. И когда огненные крылья вспоролы воздух, рассыпая искры, когда в черное небо стремительно взмыл пылающий силуэт, беспроглядная ночь расступилась перед ним.

Феникс облетел весь Артоган и еще две соседние империи, возведя вокруг них прочный сияющий купол, внутри которого не было места абсолютной тьме. А те люди, что оказались внутри и наблюдали за этим чудом, стали первыми носителя-

ми искр. Именно на них осыпались частицы света, срывающиеся с огненных крыльев.

Потребовалось немало лет, чтобы оказавшиеся под защитой страны возродились. Не существовало более разрозненных государств, лишь единая империя, надежное убежище всего человеческого рода — Артоган. Со временем действие купола начало ослабевать, и по ночам тьма порой проникала внутрь. Но благодаря фениксам ее удавалось сдерживать и по сей день.

Именно об этом рассказывал главный храмовник, чей голос разносился не только по Центральной площади, но и по всей столице. Горожане, затаив дыхание, вслушивались в каждое звучащее слово, хотя эта речь в точности повторялась из года в год. Предание нашего общего прошлого мы все знали наизусть, впитывая его с самого детства.

Церемония тоже обычно шла по хорошо отработанному сценарию, разве что изменялись концертные номера. Вот и сейчас, пока главный храмовник держал речь, его подручные зажигали огни, которые воспаряли в воздух и зависали над сценой.

— Прояви уважение, — больно впившись мне в запястье, прошипела Эльза, заметив, что я слушаю вполуха и периодически смотрю по сторонам. — Смотри на сцену, дрянная ты девчонка.

— А то что? — Я намеренно не стала понижать голос, из-за чего к нам на миг обратились взгляды соседей.

В частности, к нам обернулась госпожа Бэйрси, недовольно сморщившая свой курносый нос, что заставило тетюшку еще сильнее стиснуть мою руку и расплыться в извиняющейся улыбке.

И в этом вся Эльза — заискивает перед теми, кто сильнее, и старается выглядеть перед ними лучше, чем есть на самом деле, в то же время пытаюсь отыгаться на тех, кто хоть как-то от нее зависит.

— Сегодня поистине особый день, — тем временем продолжал разноситься по площади голос главного храмовника. — Сам Пресветлый дарует молодой девушке шанс кардинально изменить свою жизнь, став ниллэ. Это огромная честь, но и такая же огромная ответственность. Ниллэ полагается помогать своей госпоже справляться с возложенной на нее миссией, ведь быть аэллиной — не только привилегия, но и огромный труд. Все мы знаем, кому обязаны своими жизнями. Знаем, ка-

кую тяжелую работу выполняют наши защитники, наша опора, элита нашей могущественной империи. Носители большого количества искр — фениксы.

Я снова украдкой зевнула. Нет, уважение и благодарность к фениксам, разумеется, испытывала, но спать хотелось очень. А звучащая высокопарная речь как нельзя лучше исполняла роль снотворного.

— Избранная Пресветлым девушка будет принята в Институт аэлин на факультет ниллэ, где пройдет двухлетнее обучение, которое спонсирует корона, — сказав это, храмовник наконец провозгласил: — Да свершится высшая воля!

Когда он взял в руки золотую чашу, все голоса моментально смолкли. Показалось, стих даже ветер, перестав терзать развешенные всюду флаги и зеленую листву. Даже я перестала зевать и невольно замерла.

Нет, я никогда не верила, что в один из таких моментов прозвучит мое имя. Разве что в далеком детстве, еще до гибели родителей иногда позволяла себе об этом мечтать. Помню, как мы приходили на эту самую площадь и, стоя в отдалении, внимательно слушали звучащую речь. Папа сажал меня себе на плечи, и я смотрела на творящуюся на сцене магию. Тогда испытывала чистое детское восхищение и представляла, как однажды, когда вырасту, я взойду на эту сцену и мне будет рукоплескать толпа.

Потом родителей не стало. И Церемония избрания, которую я любила, прежде всего как наш семейный праздник, стала для меня тяжелой повинностью, которую просто нужно отбыть. Казалось, что вместе с гибелью родителей от меня откололась и моя собственная часть — та, которая, будучи маленькой девочкой, восхищалась торжеством, глядя на мир с надежных папиных плеч...

Теперь же перспектива стать ниллэ и вовсе казалась мне слишком привлекательной. Никто никогда не говорит, чем именно занимаются эти выпускницы института. Только о великой чести и ответственности. И что-то мне подсказывает, в роли ниллэ существует немало подводных камней.

Хотя нельзя не признать, что это действительно шанс кардинально изменить жизнь. Избавиться от влияния опекунов, стать причастной к высшему обществу, достичь тех высот, о которых простая городская девчонка не может даже помыслить.

Все эти мысли стремглав пронесли в моей голове, пока храмовник, прикрыв глаза, молча возносил молитву. Тишина казалась такой вязкой, что ее можно было черпать большими ложками, она наполняла каждую частицу воздуха, обволакивала всех собравшихся ватным коконом и предшествовала ликования, которое наступит, когда будет произнесено заветное имя.

Всего одно имя... Чьи-то разбившиеся надежды. Чья-то осуществившаяся, казалось бы, несбыточная мечта.

Всего одно имя. Год за годом, церемония за церемонией. Империя замирает в ожидании — даже в самых отдаленных ее уголках, куда новости доходят с запозданием, живет надежда.

Люция, кажется, вообще перестала дышать. Я видела, какой напряженной стала ее идеально ровная спина. Видела и то, как мать слегка приобняла ее за плечи, а отец стиснул кулаки. Они верили в успех, но вместе с тем прекрасно понимали, что может произойти всякое. Что счастливицей может стать более родовитая или богатая девушка — дочь более влиятельных родителей. И все же...

Я за всех сейчас умираю
И только прошу: не забудь,
Как отчаянно ты обещал мне
Для нас все однажды вернуть.

Пришедшие на ум строчки вызвали привычное желание их записать, но под рукой не было ничего подходящего.

Внезапно в чашу, словно из ниоткуда, хлынул столб яркого света. Он — чистый, золотистый, словно состоял из мелких крупинок, похожих на волшебную пыльцу. А уже в следующую секунду из чаши выпорхнул небольшой листок, который храмовник тут же взял в руки.

Ты только меня, прошу, помни,
А как время придет — узнай,
Из тысячи чьих-то взглядов
Мой любящий взгляд отгадай...

— Сейчас, моя девочка, — словно издалека донесся до меня взволнованный шепот госпожи Бэйрси, обращающейся к дочери. — Это будет твой триумф...

Последние секунды, наполненные томительным ожиданием, — и наступил долгожданный момент. Храмовник развернул листок и приблизил к лицу.

— В этом году Пресветлый оказал свою милость девушке по имени...

Он почему-то загнулся, и во время ненадолго повисшей паузы среди зрителей пронесся удивленный шепоток. Из-за промедления все пребывали в замешательстве, ведь никогда прежде такого не случалось. Главный храмовник, судя по всему, находился в таком же замешательстве, и удивление в голове ему скрыть не удалось.

— Инида Трэйндж, — с долей растерянности озвучил он через несколько мгновений.

Я подумала, что ослышалась. Наверное, поэтому не было ни подскокившего сердца, ни учатившегося пульса, ни желания немедленно упасть в обморок. Я знала, что это ошибка, потому что такого просто не могло быть...

Но вот на меня в немом потрясении уставилась тетушка Эльза, кажется, впервые за все время напрочь лишившаяся дара речи; вот таким же взглядом в меня вперился дядя. Потрясенное семейство Бэйрси, как по команде обернувшееся ко мне. В голубых глазах Люции — потрясение и неверие, постепенно сменяющиеся яростью, ненавистью... завистью.

— Идочка. — Тетушка Эльза медленно привстала с места. — О моя дорогая...

Если бы не накрывшее меня абсолютное оцепенение, я бы рассмеялась. «Идочкой» она меня не называла даже ради того, чтобы произвести благоприятное впечатление на посторонних, и от такого обращения ощущение нереальности происходящего усилилось.

А уже в следующий момент такой же столп света, какой недавно лился в чашу, внезапно опустился на меня, привлекая ко мне уже всеобщее внимание. Кожу левого запястья слегка закололо, и я, опустив глаза, увидела, как на нем появляется рисунок изящного золотого браслета.

— Инида Трэйндж находится среди присутствующих! — провозгласил главный храмовник, чей голос доносился до меня словно из-за ватной стены. — Дитя мое, прошу, поднимись к нам на сцену!

«Это какая-то ошибка, — продолжало вертеться у меня в мыслях. — Я же просто Ида. Ида Трэйндж. В моей жизни не может произойти такой невероятной случайности. Я ведь невезучая...»

Тем не менее именно я, а не кто-то другой, словно во сне, шла между заполненных рядов. Именно я, не чувствуя ног,

продвигалась все ближе и ближе к освещенной огнями и солнцем сцене, с которой на меня взирали храмовники. И именно ко мне обращались взгляды всех присутствующих на Центральной площади, желающие рассмотреть ту обычную девушку, которой так необычайно повезло.

В какой-то момент к ощущению абсолютной нереальности происходящего добавилось чувство, что я вернулась в свое далекое беззаботное детство. Будто стала той восхищенной, сидящей на плечах папы девочкой, мечта которой внезапно сбылась.

Я еще не осознавала свалившегося на меня... счастья? Удачи? Трудностей? Чем бы это ни было, я пребывала в слишком глубоком потрясении, чтобы все осмыслить и принять.

— Она ведь некрасивая, — прозвучало в окружающей меня какофонии звуков.

— Простая замарашка...

— А я ее знаю, она ушивала юбку для моей сестры...

— Ты только посмотри на это платье...

— А на туфли!

Что бы ни говорили злые языки, именно эти самые туфли сейчас поднимались по ведущим на сцену ступеням. И надеты они были на той самой простой замарашке, которая не обладала особой красотой. Нет, уродиной меня не назвать, но и постороннему взгляду в моей внешности зацепиться не за что. Я не обладала ни выдающимися женственными формами, ни светлым, никогда не выходящим из моды цветом волос, ни правильными чертами лица. Но никогда не переживала по этому поводу и уж точно не завидовала таким, как Люция, — к кому природа оказалась более щедра.

Несмотря ни на что, я любила себя — такую, какая есть. Хотя правильнее сказать, не любила, а принимала. Принимала вместе с худощавой фигурой, темно-русскими волосами, в которых имелаась невесть от кого передавшаяся рыжинка, и несколькими испещрившими лицо «ямками» — последствиями перенесенной в детстве болезни.

Наверное поэтому, а еще потому, что пребывала в ощущении абсолютной нереальности, я и не обращала внимания на доносящиеся мне в спину высказывания. В конце концов, если такие высказывания доносятся мне в спину — значит, я впереди.

ГЛАВА 3

Следующие минуты еще больше напоминали сон. Стоя на сцене, я слушала говорящего храмовника, смотрела на заповолившую площадь толпу, но слышала лишь глухое биение собственного сердца. К счастью, мне держать речь не пришлось, только стоять и радостно улыбаться... хотя, подозреваю, в моем случае улыбка выглядела неестественной и больше растерянной, чем радостной.

Понятия не имею, сколько времени прошло перед тем, как меня увели со сцены и проводили в небольшой, но пышно обставленный шатер. Здесь установили резную белую мебель, стол, на котором возвышались блюда со сладостями и фруктами, на полу расстелили ворсистый ковер — тоже белый.

— Садитесь, — пригласил мой сопровождающий, указав на одно из кресел.

Только заняв предложенное место, я наконец относительно пришла в себя и смогла его рассмотреть. Это был молодой мужчина, светлые волосы которого были собраны в низкий короткий хвост. На нем был надет светлый же костюм, а черты привлекательного лица почему-то показались смутно знакомыми.

— Вам необходимо дождаться прихода леди Нейль, — сообщил он. — Она является деканом факультета ниллэ и лично проинструктирует вас относительно ваших дальнейших действий. Угощения в вашем распоряжении. Желаете чаю или кофе?

— Чаю, пожалуйста.

Мой голос прозвучал на удивление спокойно. Наверное, сказывался богатый опыт общения с тетушкой. А вот в голосе сопровождающего за подчеркнутой вежливостью я угадала пренебрежение, приправленное толикой недоумения. Похоже, не только главный храмовник удивился исходу сегодняшней церемонии.

Леди Нейль пришлось ждать больше часа. Зато к ее приходу я успела успокоиться, привести в порядок мысли и осмыслить то, что еще утром не могла себе даже представить. И все же вероятность, что была допущена ошибка, я не исключала. Не зря же на лицах тех, кто имел отношение к церемонии, читалось удивление. Быть может, выбор был сделан заранее, — естественно, не в мою пользу, — а потом что-то пошло не так.

— Инида Трэйндж, — в какой-то момент прозвучал у входа в шатер сдержанный женский голос.

Поспешно поднявшись и обернувшись, я наткнулась на цепкий взгляд слегка прищуренных глаз. Передо мной стояла леди — такая, какую представляешь себе, когда слышишь само слово «леди». С идеальной осанкой, безупречным внешним видом и безукоризненным умением себя держать. Вместе с тем от нее веяло холодом — не буквально, конечно, а на каком-то другом, нематериальном уровне.

— Вам следовало бы присесть, — с тем же ощутимым холодком в голосе заметила леди.

Подумав, что совершила оплошность, вскочив на ноги, я снова опустилась на диван.

— Присесть в реверансе, — не сводя с меня пробирающего до дрожи взгляда, отчеканила леди Нейль.

Смутившись, я вновь поднялась и изобразила неумелый поклон. После прозвучавшего замечания и взгляда, который за ним последовал, стало понятно, что доброго отношения от леди Нейль ждать не стоит.

— Гай, проследи, чтобы ближайшие полчаса нас не беспокоили, — велела она, обратившись к моему недавнему сопровождающему.

Тот коротко кивнул, а я невольно задумалась, напрягая память.

Гай, Гай... точно! Кажется, так звали того самого родственника госпожи Бэйрси, который работал в Институте аэллинов. Вот почему мне показалось знакомым его лицо — несмотря на дальнейшее родство, они с Люцией были похожи.

Весь наш последующий разговор с леди Нейль можно было охарактеризовать так: она спрашивала — я отвечала, она рассказывала — я слушала. Мне были заданы вопросы о моей семье, количестве искр, образовании и увлечениях. Эта леди обладала такой энергетикой, что под ее гипнотизирующим взглядом хотелось выложить все как на духу. Я и рассказала обо всем без утайки — скрывать мне все равно было нечего. Единственное, о чем умолчала, — о своей склонности время от времени писать стихи. Это не было увлечением, скорее непреодолимой потребностью, которая являлась слишком личной, чтобы с кем-то этим делиться.

Леди Нейль, в свою очередь, кратко поведала о моем предстоящем обучении. В большей степени она говорила о тех вещах, которые мне необходимо приобрести для учебы. И чем

больше я слушала, тем явственнее понимала, что в институте стану белой вороной, поскольку не могла себе позволить практически ничего из перечисленного. Я не смогла заставить себя признаться в нехватке средств открыто, но весьма недвусмысленно намекнула, что не имею возможности приобрести все.

— Значит, заменяйте дорогие предметы дешевыми, — бесстрастно отозвалась та. — Корона спонсирует ваше обучение, но мелкие расходы вы должны обеспечить себе сами. Вам будут бесплатно выданы форма и учебники; писчие принадлежности, которые я перечислила, приобретаете самостоятельно. В первый день осени вам необходимо прибыть в институт заблаговременно. В восемь утра вас будет ждать доктор для проведения обязательного осмотра. После вам выдадут вещи и заселят в комнату жилого корпуса. У вас будет время переодеться, после чего Гай проведет вас на традиционную церемонию, посвященную первому дню обучения.

«Опять церемония», — промелькнуло в мыслях.

Почему-то одно это слово теперь заставляло меня невольно вздрагивать.

Когда мне были выданы все необходимые инструкции и леди Нейль сообщила, что больше меня не задерживает, я решила прояснить для себя самый главный, не дающий мне покоя вопрос.

— Могу я спросить? — произнесла, прежде чем уйти.

Мне благосклонно кивнули.

— Во время церемонии я заметила, что все были... удивлены, когда прозвучало мое имя. Могла ли произойти ошибка?

Я отдавала себе отчет, что вопрос задала скользкий. Отвечая на него, леди могла косвенно подтвердить, что все места на факультете ниллэ, — в том числе и то, которое распределяется во время церемонии, — куплены заранее.

Чего я не ожидала, так это того, что леди Нейль ответил мне прямо, даже не пытаясь скрыть правду хотя бы ради приличия.

— Вы ведь понимаете, как все происходит, — не меняя тона, спокойно произнесла она. — В чудеса верят либо дети, либо глупцы. Вряд ли Пресветлому есть дело до того, кто станет обучаться на факультете ниллэ. На вашем месте сегодня должна была оказаться Люция Бэйрси. Сейчас проходит разбирательство того, что произошло. Но даже если по чьей-то халатности была допущена ошибка, вы уже приняты в институт. Право обучаться у вас никто не отнимет.

Дав мне время осмыслить сказанное, леди Нейль добавила:

— На мой взгляд, даже хорошо, что все вышло именно так. Бедная сирота из низов, поступившая на факультет ниллэ, — отличный повод воспрянуть духом для широкой общественности. В нынешние беспокойные времена это как никогда важно.

Не требовалось пояснять, что она подразумевала под «неспокойными временами». С каждым годом прорывы случались все чаще, а ночи становились длиннее. Семимильными шагами надвигалась осень, день сокращался, но дело было не только в этом. Просто тьма подступала все ближе, находила в защитном барьере лазейки и сеяла страх в людских сердцах. В связи с этим любое радостное событие ценилось еще больше.

— Надеюсь, не нужно предупреждать, что обсуждать с кем бы то ни было последнюю часть нашего разговора не следует? — выразительно приподняв тонкую бровь, задала риторический вопрос леди Нейль.

Риторический вопрос на то и риторический, что ответа на него не требуется. Поэтому я только кивнула.

— И, к слову, — добавила она напоследок, — девушке вашего положения наладить отношения с однокурсницами, возможно, будет сложно. Мой вам совет: не вступайте ни с кем в конфликты и сосредоточьтесь на учебе. Вы получили редкий шанс. Не упустите его.

Повторно кивнув, я попрощалась, снова изобразив некое подобие реверанса, и покинула шатер. Разговор оставил противоречивые ощущения, как и сама леди Нейль. Но в одном она была права: раз уж мне выпал один шанс на миллион, я вцеплюсь в него хваткой тетушки Эльзы и сделаю все, чтобы преуспеть.

Последние дни лета промелькнули как одно мгновение. Доделав все заказы, я обошла несколько небольших магазинчиков, где купила все, что мне могло понадобиться для учебы. Как и посоветовала леди Нейль, дорогостоящие тетради с тисненой бумагой и самопишущие перья заменила на дешевые аналоги, как и некоторые другие вещи. Самым забавным в эти дни мне казалась резкая перемена в отношении опекунов. Тетушка Эльза буквально из кожи вон лезла, чтобы продемонстрировать свою любовь и заботу, что не вызывало у меня ничего, кроме тщательно скрываемой улыбки. Сразу после моего возвращения домой в день церемонии у нас на кухне был накрыт стол, к которому меня впервые за десять лет пригласили.

Если бы не вкусные пирожные, купленные тетушкой в хорошей пекарне, я бы, наверное, не выдержала ее трескотни и ушла на чердак.

Понимая, в каком положении я теперь оказалась, опекуны всячески старались вызвать мое расположение. Ну не смешно ли, после стольких-то лет?

Первый день осени начался для меня засветло, а когда солнечные лучи коснулись столицы, я готовилась отправиться навстречу своей новой жизни. Все немногочисленные вещи были заранее сложены в старый чемоданчик, приютившийся у двери. Сегодня я надела свое лучшее платье — простого кроя, но из добротной желтой ткани. Его я сшила к своему прошлому дню рождения, решив, что хотя бы один раз за долгие годы могу сделать себе подарок. С того времени повода его надеть не представлялось, а теперь это платье пришлось очень кстати.

Из напольного зеркала в потертой деревянной раме на меня смотрела девушка, в глазах которой отражались одновременно и страх, и решительность — такой вот парадокс. Выгоревшие за лето и оттого еще больше порывевшие волосы я собрала в низкий хвост, перевязав его желтой лентой. Тетушка Эльза расщедрилась мне на новые туфли и даже чулки. И теперь, одетая в обновки, я казалась себе почти что принцессой. Смешно, конечно, но я и правда никогда не видела себя такой.

Прежде чем уйти, обвела прощальным взглядом чердак — неизвестно, когда сюда вернусь. Пусть крыша временами подтекала, а зимой, находясь здесь, я куталась в несколько одеял, но все равно любила эту комнатку. Здесь было мое маленькое царство, наполненное стрекотанием швейной машинки и окутанное рассеянным светом, приникающим сквозь небольшое чердачное окно.

— Пока, толстяк. — Я сгребла Кота в охапку и уткнулась носом в его пушистую рыжую шерсть.

Избалованным гурманом он, конечно, не был и толстым казался исключительно благодаря пушистости.

— Мя-а-ау, — протянул Кот с такой вселенской печалью, словно в самом деле понимал, что нам предстоит надолго расстаться.

— Забрала бы тебя с собой, да только кто тебя в институт пустит? — вздохнула я. — Надеюсь, тетушка будет тебя кормить. А если и не будет, все равно не пропадешь. Ты же у меня такой славный охотник!

На этот раз Кот мякнул снисходительно — мол, конечно, хозяйка, само собой.

Выходя из дома, я знала, что только по этому комку шерсти и буду скучать. Как притащила его — грязного, изможденного котенка, найденного в подворотне, — домой, когда мне было шесть, так с тех пор к нему и прикипела. И даже тот факт, что именно от него в то время подцепила заразу, наградившую меня ненавистными ямками на лице, моей любви к нему ничуть не умалял.

Опекуны сподобились проводить меня до самой остановки, где я села в омнибус. Такой способ передвижения был самым дешевым, поскольку вместо лошадей омнибус тащили кокрэны — этакие большие черные куры. Черный цвет у нас никогда не жаловали и старались его избегать везде где только можно. Но все попытки вывести кокрэнов другой масти заканчивались полным провалом. Куры, пусть даже большие, — существа, может, и глупые, но крайне упертые. Как были черными, так ими и оставались.

Институт аэллин поражал своей красотой еще издали. Трясь в омнибусе и периодически задерживая дыхание из-за сидящего рядом, источающего «потрясающий» аромат мужичка, я смотрела в небольшое окошко, за которым виднелись приближающиеся золотые башни. Именно они — высокие, сложенные из ныне дорогого, отливающего золотом камня, первыми бросались в глаза. На высоких шпилях развевались флаги с огненно-золотой птицей — символом института, который одновременно являлся и общим знаком самих фениксов. Институт располагался на возвышенности, попасть внутрь можно было, либо поднявшись по одной из ведущих к нему дорог, либо по воздуху — верхом на григаннах или в запряженной ими же карете.

Остановка омнибуса располагалась у подножия, так что наверх мне пришлось топтать на своих двоих.

Крутая, мощенная крупным светлым камнем дорога поднималась до самых институтских ворот — кованых, изящных, тоже отливающих золотом. По обеим сторонам росли высокие шелковичные деревья, чьи кроны, создавая тень, частично укрывали от жаркого солнца. Рядом с ними были выстроены разнообразные магазинчики, иногда встречались небольшие кофейни. Время в запасе у меня еще имелось, поэтому я шла неторопливо, с интересом все рассматривая.

Ворота института бесшумно распахнулись, едва я к ним приблизилась. А когда в них входила, узорный браслет на моей руке едва заметно засветился — видимо, он являлся своего рода пропуском на территорию.

Вблизи институт производил впечатление еще большее, чем издали. Он напоминал настоящий золотой замок, чьи башни, казалось, могли достать до самих небесных островов. Здесь имелось несколько корпусов, в которых с непривычки можно было с легкостью запутаться, если бы леди Нейль подробно не объяснила, где располагается врачебное крыло.

Идя по просторным, наполненным светом и позолотой коридорам, я с трудом заставляла себя сохранять рот закрытым. Челюсть так и норовила отвалиться от вида окружающей роскоши и красоты. Особой любви к шику я никогда не испытывала, больше ценя простоту и уют, но здешние интерьеры никого не могли оставить равнодушным.

Во врачебном крыле обстановка несколько изменилась, утратив изрядную часть помпезности. Здесь было все так же много света, а вот позолоты — меньше.

Приемная, куда я пришла, была пуста, а ведущая в кабинет доктора дверь — приоткрыта. Немного помявшись, я осторожно постучала и, получив разрешение, вошла.

Кабинет оказался просторным, с большими окнами, из которых открывался вид на сад. Сюда доносилось журчание фонтанов, которое могло бы подействовать на меня успокаивающе... если бы не вид сидящего за столом доктора.

Я ожидала увидеть умудренного жизнью человека средних лет, может даже, пожилого. Но никак не молодого мужчину с насмешливыми, слегка прищуренными глазами, который своей внешностью почти не уступал фениксам. Я даже растерялась. Но не из-за того, что доктор оказался молодым и красивым, а из-за его взгляда, неспешно по мне скользящего. Так доктора на пациенток не смотрят... это непрофессионально, в конце концов!

— Мисс Трэйндж, — в отличие от взгляда, его голос никаких эмоций не выражал, как и лицо. Указав на стоящую в углу ширму, он велел: — Прошу вас снять все украшения, обувь, чулки и платье. Если есть корсет — его снимайте тоже. Если сами не справитесь со шнуровкой платья, можете позвать, я помогу.

Вместо того чтобы идти за ширму, я оставалась стоять на месте, почему-то не в состоянии сделать и шага. В последний

раз меня осматривал доктор еще в детстве. Потом, если подхватывала простуду, я лечилась сама. А в школе нас толком не обследовали, подписывая документы о хорошем здоровье чисто формально. Идя сюда, я толком не знала, какой осмотр мне предстоит, но нисколько об этом не переживала.

Сейчас же от одной только мысли о том, что мне нужно снять платье и предстать в таком виде перед этим... доктором, щеки начали предательски гореть.

— Мисс Трэйндж, — раздраженный промедлением, поторопил меня доктор. — Если вы задались целью изображать фанарный столб — мои поздравления, у вас отлично получается.

Сбросив оцепенение, я заставила себя двинуться в сторону ширмы. Несмотря на продолжающиеся пылать щеки, распрямила плечи и постаралась идти уверенно... что было бы гораздо проще, не прожигай мне между лопаток дыру один насмешливый взгляд.

Спокойно, Ида, спокойно. Нужно просто собраться и перестать так глупо нервничать.

Из украшений на мне была только перевязывающая волосы лента, которую я сняла первой. Затем разулась и аккуратно пристроила туфли у стены. Немного поколебавшись, стянула чулки.

— Так вам помочь с платьем? — внезапно донеслось до меня.

Показалось, что за вежливым вопросом скрывается все та же насмешливость и какой-то интерес, не имеющий ничего общего с врачебной этикой. Или мне все это и впрямь кажется?

— Спасибо, справлюсь сама.

За спокойный тон, которым это сказала, я была готова себе поаплодировать.

Повесив платье на вешалку, переступила босыми ногами по гладкому паркету и, еще немного помедлив, вышла из-за ширмы. Окажись доктор таким, как я ожидала, — сейчас не испытывала бы никаких неудобств. Да и при таком докторе не смущалась бы настолько, если бы не проклятое ощущение, что он воспринимает меня не как пациентку.

Может, у меня паранойя?

Пока я раздевалась, он поднялся с кресла и теперь стоял с другой стороны стола.

— Подойдите, мисс Трэйндж, — велели мне, не сводя с меня откровенно изучающего взгляда. — И поторопитесь, если не желаете опоздать в свой первый учебный день.